

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 13

1974

ЖАЛЕ

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

ЖАЛЕ

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

СТИХИ

Перевод с персидского

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1974

ЖАЛЕ

Жале — персидская поэтесса, уже несколько лет живет и работает в Советском Союзе. Первый сборник ее стихов, «Дикие цветы», вышедший в 1944 году в Тегеране, был выдержан в традиционных канонах персидской поэзии. Позднее в стихах Жале наряду с лирикой усилилась гражданская тематика, а в 60-е годы ярче проступило философское начало. Ее страстные, одухотворенные революционным пафосом стихи постоянно печатаются в газетах и журналах нашей страны.

Жале — автор нескольких поэтических сборников на персидском языке. В переводе на русский язык изданы ее сборники: «Стихи» (1960), «Ожидание» (1967), «Попутный ветер» (1970). Стихи Жале переведены также на многие языки народов Советского Союза.

Scan+DjVu: ALVaKo
21/05/2025

НАДЕЖДА

Я не певчая птица,
чтоб петь средь ветвей
золотых безмятежных садов,
о любви щебетать,
забывая о муках и гнев.
Я пишу —
словно в пламени корчится лист
от пылающих слов.
Я пишу —
и грома
пробуждаются в пасмурном небе.
Я пою эту песнь —
этот гимн опаленных сраженьем бойцов,
закаленных страданием,
но не ослепших от горя,
и в печали моей
их печаль,
и в словах моих
пламя их слов,
их мятежность и гнев,
их надежда и горечь.
Я пишу,
чтобы вкрадчивый яд
в кровь бойцов никогда не проник,
чтобы гневом и местью пылали они,
этим яростным строчкам внимая.
Если голос мой
путь не находит к сердцам,
можешь прямо сказать: я — немая.
Но слепою меня не считай:
вижу тысячью глаз,
как меняется мир,
как сбываются лучшие наши стремленья.
Я — свидетель сегодняшних бурь,
я — свидетель невиданного обновления!

ВСЕГДА ИСКАТЬ!

В чем смысл земного бытия?
Всегда искать! — отвечу я.—
Всегда мечтать о лучшем, о прекрасном!
Трезва, как никогда, сегодня мысль моя,
и даже сны, как явь, я вижу в свете ясном.
Мне дорог жизни миг любой,
без памяти люблю я землю,
и утро каждое с восторгом я приемлю,
как первый день, как день последний свой.
Я знаю, что меж радостным «привет»
и горестным «прощай» связь вечная таится.
Чарует жизни шум, и, словно вешней птице,
мне в четырех стенах покоя нет.
Тоскливо мне от мысли неживой,
от попугайских фраз, от болтовни бесплодной,
от новостей горячки биржевой
и от угроз войны холодной.
Нет, слышать я хочу о том, что на пути
познания новая открылась вежа,
что силы свежие мог разум обрести,
что миру нет нужды в убийстве человека.

ЛЕНИН

Хвала воде,
живительной и чистой,—
она в объятьях держит жизнь Земли!

Просторы вод мы сравнивать привыкли:
ручей — с рекой, а реку — с морем,
бездребность моря — с океаном.
Но океан...
С чем, кроме океана,
вздымающего волны величаво,
сравнить мы можем вечный океан?..
Не так ли каждого сравнить мы можем с каждым,
но Ленин только с Лениным сравним!
Похожим быть на Ильича
любой из нас стремиться должен.

И выразить пред гением его
нельзя свою признательность иначе,
как только повторяя в поколениях:
подобно чистой и живительной воде,
нам нужен Ленин!

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Перелетные птицы, куда вы, куда,
В одиночку и стаями в небе бессонном?
Что хотите познать, что хотите догнать,
Что вы ждете за краем земли отдаленным?

Что случилось? Зачем вам другие края?
Кто вам, птицы, платил за любовь нелюбовью?
От несчастий каких, от ненастий каких
Улетаете прочь, оставляя гнездовье?

Неужели надежда, ваш верный вожак,
Никого в этих странствиях не покидала?
Неужели никто не ослеп от грозы?
Неужели никто не разбился о скалы?

Что случилось? Возможно, от стужи и тьмы
Устремились вы солнце искать за морями,
Потому что высокому солнцу сродни
Ваших душ неподкупных мятежное пламя?

Перелетные птицы! Без вас зацвели
И каштан и миндаль, что же вы не летите?
Вы ищите! Вы верьте: надежны всегда
От сердец до гнездовых незримые нити.

И не сбиться с пути вам, и крыл не сложить,
И с судьбой не смириться, пока вы в разлуке
С той землей, без которой вовек не прожить...
Как понятны мне ваши сомненья и муки!

ЧУВСТВА И КРАСКИ

Разве могут слова развязать
те сплетения духа и чувства,
и страданья, и счастья узлы,
что зовутся судьбою людскою?

И пусть всего одна судьба у нас,
ее мы проживаем много раз,
и много раз ласкают нас и мнут
ладони злых и радостных минут.
О человек, верши свои труды!
Ищи в пустыне марево воды,
из сотни лиц, что встретишь на пути,
дерзай лицо любимое найти.
Но если ты попался на обман,
и если побеждает Ариман,
и лучшие, высокие мечты
растоптанными вдруг увидел ты,—
хранитель клада жизни, не грусти:
тот побеждает, кто всегда в пути,
великий Мазда и друзья — с тобой,
да станет новый путь твоей судьбой.
И день и ночь соедини в одну
звучащую надеждою струну.
Поверь в себя и сердце отогрей:
ведет к победе множество дверей!

ПРИШЛА ВЕСНА

Из-за горизонта, из-за гор,
из-за синего, как небо, моря,
из страны, где нет тоски и горя,
чей вовек необозрим простор,
из страны любви, светла, ясна,
торжествуя, ты пришла, весна.

Ты пришла внезапно, как порыв
ветра, победив в конце концов,
все сережки ивы так раскрыв,
как раскрыты клювы у птенцов.
Город стал зеленым, как деревня,
заблагоухал, запах тобой,
почками покрыты все деревья,
и надежды пламень голубой,
первозданный, родниковый, чистый,
в каждом сердце дал росток лучистый.

Весточка надежды, как ждала
я тебя, в томленье мук бесплодных,

чтобы на пиру людей свободных
песня отыскать меня могла:
«Цветут деревья, соловьи пьяны,
мир юным стал, друзья надежд полны...»¹.
Верю: мир очистится от зла,—
как пророчит волшебство газели,—
чтоб за общий стол все люди сели,
чтоб для всех весна души пришла!

ГИБЕЛЬ ИЛИ ПОБЕДА?

Я в бурном море душ, и с миром связь
я потеряла, кажется, давно.
Смотрю в глаза: от горя в них темно,
от радости светло... И боль, и грязь,
и нежность, и любовь, и все печали,
что в них, во мне внезапно зазвучали.

Познать творенья тайну до конца
мне не дано, но на путях судьбы
я стала разбирать черты лица
в неизгладимых бороздах борьбы.
Я поняла: быть сонным не годится
тому, кто счастья захотел добиться!
Пусть бодрствовать бывает нелегко,
опять с рассвета утренняя птица
к тебе с призывным кличем обратится —
и в новый путь уходишь далеко.

ВЯЗ

Расцвел цветами голубыми вяз.
Еще чего, вы скажете, не верим!
Ведь, как известно, вязы не цветут.
Но кто всю жизнь с него не сводит глаз,
тот видит пред собой не вяз, а терем,
и каждый лист горит, как изумруд.
Вяз может песней веселить и пляской,
смеяться, тешить слух чудесной сказкой

¹ Двустиишие из газели персидского классика Саади.

о том, как ночью по его листе
луна прошла голубоватой краской,
о крепкой вере и о волшебстве...
Бывает, люди, чувствуя бессилье,
глядят на мир и видят пустоту,
но вера дарит им стальные крылья...
Вяз одинокий, будь всегда в цвету!

СОЛНЦЕ СВОБОДЫ

Поэту из Мали.

Непокорный, мятежный, свободный олень!
Вечно юный олень!
Стройной шеей поводишь, как пальмовой веткой,
и во взоре твоём черных звезд торжество,
и во взоре твоём разгорается день.
И надежда, накинув наряд, ослепляющий дивной расцветкой,
отражается в зеркале темном лица твоего.

Непокорный, мятежный, свободный олень!
Юный, храбрый олень!
Высока та гора, каменист ее склон,
уже двадцать веков обитает там племя дугон,
поднимись к ним, скажи, ждать осталось немного,
исчезает повсюду зловещая тень,
исполняется слово поверья,
скоро будет на землю сошествие вашего бога,
над его головой блещут золотом перья —
это Солнце спускается с неба в долину!
Пусть же гулко дунунба¹ гремит и ревет!
Пусть сойдут, по пути превращаясь в лавину,
люди с диких вершин, этот гордый народ!
Пусть же бога увидят они своего —
солнце, солнце свободы —
для всех на земле божество!

О мятежный и гордый олень!
О поэзии вещей пророк!
Песнь о славной победе людей подари мне,

¹ Дунунба — разновидность барабана племени дугон.

чтоб свобода звенела в ликующем гимне,
чтоб встающий над Африкой день
освещал глубину твоих строк!
Ты поэт! Ты провидец! Ты слышишь могучие вздохи
набирающей силы великой эпохи!

ЕГО КРИК

О покупатели живых машин!
Я продаю свои стальные мышцы.
Все тело целиком, но без души —
пустую клетку без поющей птицы.
Я раб восставший,
ставший саблей плуг.
Недаром я старался бесконечно
разгрызть в цепях, сковавших силу рук,
хоть малое проклятое колечко.
В моей груди кровавый молот бьет
по наковальне вызревшего гнева.
Цепей упавших звон — одна из нот
предутреннего нового напева.
О покупатели живых машин!
Свободный раб, покорный господину,
хоть без цепей — себе не господин...
Купите же дешевую машину!
Всю силу я за пулю отдаю,
которую в того раба вобью,
что перед вами гнет смиренно спину!

ЧЕРЕЗ СОТНЮ ЛЕТ

Через сотню лет
будет лить золотое горячее солнце свой свет,
мир опять будет блеском его озарен и согрет.
Через сотню лет
у подножья холодных, бесчувственных скал
снова пенный рассыплется вал.
Через сотню лет
с наступленьем весны расцветут на лужайках цветы,
словно юного сердца влюбленность, чисты.

Через сотню лет
уж не будет, наверно, темниц и оков,
королей, бедняков.
И на Млечном Пути
человек, как сегодня по лунной тропе, будет завтра идти
за мечтою грядущей вослед.
Через сотню лет
от меня не останется здесь ничего,
скорбь ли, радость ли сердца не смогут задеть моего.
Через сотню лет
каждый час в мир войдут сотнями новые дети,
и сегодня
я к их колыбелям тянусь с поцелуем, какого на свете
нет нежнее и трепетней нет.

ПАЛЬЦЫ

Напоминают пальцы о ветвях,
дарящих миру тень и птичье пенье.
Саиб ¹ писал о десяти дверях
распахнутых — о пальцах, без сомненья.
Есть в пальцах жизнь, и чувство, и мечта,
они легонько тронут сердце флейты,
в чудесный спектр соединят цвета,
проявят на бумаге образ чей-то,
они перенесут на медь плиты
высоких мыслей трепетные вспышки...
Миниатюрны и, как снег, чисты
обласканные пальчики малышки,
вот пальцы, что качают колыбель,
приветливы, милы, добры, спокойны,
а вот — убийцы, ищущего цель
преступника, готовящего войны,
вот пальцы полупьяных игроков,
ловящие удачу в картах грязных,
вот — воровские, «взявшие улов»,
и столько пальцев неумелых, праздных,
вот пальцы, их калил огонь труда,
а эти — пламя жаркое восстание,
а эти — деревенская страда,
а этими — расклеены воззванья,
десятки, сотни, тысячи других...

¹ Саиб — иранский поэт XVII века.

Так вот: в своем вопросе дерзость чуя,
я все ж спрошу: которые из них
твои?
Ответь. Сама не различу я.

ТА ПЕСНЯ

И опять расцветает желаний тюльпан,
раскрывается сжатого сердца бутон.
Не скажу, что весна возвращается к нам,
что начнется сначала вращенье времен.
Есть другая судьба и другая весна.

Быть счастливым — искусство, особый талант.
Гениальность — счастливыми делать других.
Не хочу я смеяться и ночью и днем,
как бездушная маска, всегда, надо всем.
В одиночку смеяться и горя не зная —
Да минует нас этот душевный изъян!

Если б зеркало было — в себя заглянуть,
мы бы в нем увидели непройденный путь.
Струток жизненных сил, а не перечень ран,
тайну вечности мы бы увидели в нем.

Быть счастливым — искусство. Другим передать
ты обязан талант, если он тебе дан.
Жизнь — подмостки, где можно талантом блеснуть.
Каждый, выйдя вперед, свою песню поет,
миллионы актеров, а сцена одна...

Счастлив тот, чьи напевы запомнятся нам!

В ЛЕСА

Иду в леса,
в безмолвные леса,
одетые багряною печалью.
Меня зовут, а я не отвечаю:
леса мои тихи, как небеса.

Я по мосту прошла —
мост рухнул за спиной.
Прошла ущельем я —
за мной сомкнулись горы.
Остались весны белые за мной,
как лилиями полные озера.
Иду в леса.
Пусть в них бушует осень,
печаль их так торжественно светла.
Меня никто здесь никогда не спросит:
зачем пришла?
Иду в леса безмолвные дышать,
следить безмолвно тихие закаты,
лежать безмолвно на траве примятой,
осенней и усталой, как душа.
Когда-нибудь дорогою неторной
пройдет здесь путник,
сбросит свой мешок
и вдруг, раздвинув трав спокойный шелк,
воскликнет очастливленно и скорбно:
— Здесь человек прошел!

ЕСЛИ Б СТАЛА НЕ ПОЭТОМ...

Если б стала не поэтом,
а художником бы стала,
я лицо б твое на скалах
возле моря высекала,
легким следом быстрой лодки
по воде бы рисовала...
Только как мне быть с глазами?
У тебя они такие,
что сияют в них планеты,
зреют ягоды лесные,
с ними свет высоких радуг
в дом приходит мой впервые...
Сколько звуков, сколько красок,
сколько вдохновенья надо,
чтоб оставить людям чудо
твоего, любимый, взгляда!

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ

Был мой милый подобен
весеннему майскому саду,
где веселые ливни
ступали неслышными лапами,
словно солнечный свет, пронизала его
от корней до листвы
безмятежная радость.
Отчего же я плакала все?
Отчего же я плакала, плакала?

Я брела берегами мечты.
Я мечтала быть тихой, влюбленной
и любви отыскать родничок —
пересохла от жажды уста.
А очнулась я в море любви,
в море бурном и в море бездонном.
А очнулась я в море любви.
И моя растворилась мечта...
Ах, зачем он подобен был
майскому светлому саду?
Ах, зачем от него я
печально глаза свои прятала?
Будто солнечный свет, пронизали его
ликованье и радость,
а я плакала все,
а я плакала, плакала...

Он пришел, словно молния,
смел, неожидан и грозен.
Ночь мою осветил он —
я в счастье поверить не смела.
Я закрыла глаза,
чтобы спрятать счастливые слезы,
затаила дыхание я, онемела.
И когда наконец
протянула я руки смятенно
и уста мои вновь обрели
на минуту подобие речи —
он ушел, как пришел,
неожиданно и мгновенно.
И окончилась встреча моя,
снова став ожиданием встречи...

МОРСКОЙ ЗАКАТ

Леса, отражаясь, пылают
в огне предзакатных костров,
иголками сосен сшивают
разорванный шелк облаков.
Но недолговечна заплата,
и в том виновата волна,—
лучом озорного заката
опять в тот же миг прожжена.
О, как эта штопка нелепа!
Не выйдет из этого толк:
сливаются море и небо,
и вновь разрывается шелк.
Где бездна, где высь — неизвестно,
ушла глубина в высоту...
И чайка, морская невеста,
встречая закат, на лету
свою примеряет фату.
Тяжелая синь небосвода,
воды невесомой шитье...
Парит надо мною свобода
на пламенных крыльях ее,
Ни бури она не боится,
ни жгущего море огня...
О белая чайка, страница
для повести нового дня!
Листая простор этот звонко,
влетая в любые ветра,
похожа она на ребенка,
бегущего к морю с утра.

В ЛОДКЕ

Я видела зеленый берег.
Цветы, бегущие с холмов,
И свет зари, стекавший с перьев
Плывущих низко облаков.

Была речушка голубой
И золотою — посередке.
Плыл человек куда-то в лодке,
И человек тот был слепой.

В его глазах стояла тьма,
Он слушал тихое течение,
Не видя ближнего холма
И дальних облаков свечение...

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

Лес молчит, как шумит... Оттого ли,
с жаждой песен в рассветы спеша,
молода от любви и от боли,
откликается лесу душа?
Но не надо гадать и не надо
сочинять за того мотылька,
что летит на огонь листопада,
как душа — на огонь маяка.
Столько листьев, как будто на свете
никого, ничего уже нет,
кроме пущенных лесом на ветер
золотых невесомых монет!
И дерев обнаженную правду
вдохновенная птица поет,
отдавая себя листопаду,
словно лист, замедляя полет.
Я люблю бесконечное это
царство тайн, откровений, чудес.
Как душа, полон тени и света
мой собрат, мой товарищ, мой лес.
Так живет он, как я бы желала,
и готов к приговору костра,
потому что умрет, чтобы стало
в мире больше тепла и добра.

ГДЕ Я НАЙДУ ПОТЕРЯННОЕ МНОЙ?

Где я найду потерянное мной?
В фисташнике густом, подсказывает зренье,
В прохладной темноте лесной,
В зеленом птичьем оперенье
Иль в пенье бурных вод весной?
Где я найду потерянное мной?
В гремющей ярости природы?
В безумии ночного моря?

Или в межзвездном том просторе,
Куда лететь сквозь световые годы,
Пленяясь пустотой и тишиной?
В каком мгновении стремительной истории земной?

Где я найду потерянное мной?
В невинном детском взгляде?
В печали стариков о том, что было прежде?
Среди бойцов на баррикаде?
Средь пленников, чьи сны лишь гнев тревожит?
В стремление тех, кто каравану путь проложит?
В святой, всепобеждающей надежде?
Иль средь тревог бессонницы ночной?

Где я найду потерянное мной?
О, кто с потерянным своим не ждет свиданья?
Кто не живет, как я, дрожа от ожидания?

ВСПОМИНАЯ БУДДУ

Горизонт опрокинутою рекой пролился на густые кроны.
Даже белые голуби стали чуть-чуть голубыми
В синеве рассветного небосклона.
Небеса и земля — как поле цветущих лилий.
И за этим полем руки воображенья
Неуловимым движеньем ворота в века открыли...
Вижу: среди каравана людского,
В желтом, святом одеянии
Будда шагает навстречу объятиям вечности
И мыслит, наверно, в благочестивом молчании:
«Чья правда чиста, чья душа добра и светла,
Тот никогда никому не причиняет зла!..»
Что об этом скажу?
Совершись бы чудо — явись бы сегодня Будда,
Какую бы песнь он спел в мире голода и мучения?
Прежнюю сказку о мудром терпенье, святом отречении
Или буйный гимн мятежу?..

За древним пророком вослед сотни и сотни лет
Пролетают роем планет...
О, как жизнь сложна, как бурливо времен течение!

А сейчас предо мной
Горизонт, как младенец, сияет свежо и ясно,
Словно только сегодня мир сотворен земной
И все, что создано в нем, прекрасно.

ОН СМЕЯЛСЯ

Такая ночь была!
Смеялся в небе месяц.
Усмешку желтую сквозь ветви вишни свесив,
смеялся он.
И дерево смеялось
корявыми дремучими устами,
смеялся ветер — гулками кустами.
И вот — печали в мире не осталось...
Старик смеялся.
Вкус забыв беды,
старик смеялся.
И смех его взмывал и низвергался
по белому теченью бороды.
Дитя смеется — мир ему неведом.
Смеется юность призрачным победам.
Но старость,
взвесив годы на плечах,
познав их нищету, и скорбь, и страх,
смеется редко.
А старик смеялся,
опавший лист в сухих руках вертя,—
как пьяный, как безумный, как дитя!
Над миром он смеялся? Над собой?
Над вишнею, от месяца рябой?
Над светлою смеющейся травой?
Или над чьей-то саблею кривой?
Не знаю я, не ведаю, не помню!
Но стал наш темный мир высок и весел.
Ах, как смеялся тот старик бездомный
в ту ночь, когда смеялся в небе месяц...

ЭПИТАФИЯ

Один от всех житейских передряг
внезапно получил инфаркт и умер.
Другой, развеселясь, что умер враг,
внезапно получил инфаркт и умер.

За город их свезли, похоронили
и написали так на их могиле:
«Два прежде враждовавших человека
отныне, больше ни о чем не споря,
здесь спят безмолвно до скончания века,
свободные от радости и горя».

РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ

1

На руках Исфахана — пестрого города,
Краской измазанного, как художник,
Родился ребенок. Когда — не помню.
Обыкновенный, как подорожник.
Ребенок родился, а муж рассердился,
Бесился, хрипел и ногами топал:
— Ты кого родила? На помойку девчонку!
А у женщины той рука была теплой.
И тайно гладила, тайно растила,
Тайно ребенка к ручью водила —
Та рука, что была добра и легка,
Богом проклятая рука.

2

В доме Аллах и коран по утрам —
Будь мусульманкой, будь!
В классе молитва Христу по утрам —
Будь христианкой, будь!
Прошел роузе ¹— наступает пост.
Дочерью будь святой!
Но без Аллаха и без Христа
Жить веселей сиротой!

3

Теперь — о скандале:
О том, как скрывали,
Что юной невесте
Пятнадцать едва ли,
Как все жениху
Головами кивали.

¹ Роузе — мусульманский пост.

Танцовщицы пели,
Певцы танцевали,
Но что интересно —
Средь танцев и песен,
Но что интересно —
Пропала невеста.
Весь дом обыскали,
Весь город подняли.
Рыдая, рыдальщицы,
Волосы рвали.
Молили Аллаха,
Но что интересно —
Под носом Аллаха
Пропала невеста.
Скажу вам заранее,
Что ночью в чулане
Открылся сундук —
И — клянусь на коране —
Ласточка выпорхнула из него...

4

В селенье приезжала летом,
Где в синем воздухе нагретом
Жил запах мира и добра.
Дрожанье облачка над стадом.
Дым очага над виноградом.
Печаль пастушьего костра.
Но вдруг удар хозяйской плети,
От страха плачущие дети:
«О дочь хозяина, спаси!»
Хлеб — дорог. Боль — куда дешевле.
А сколько стоит утешенье —
Ты у замученных спроси.

5

И отправилась девочка солнце искать.
И стала она орлом.
Однажды она золотую страну
Увидела под крылом.
Любовь и свобода правят страной.
И стала душа ясна,
И светлое имя «Ленин» она
Задумчиво произнесла.

ЧЕЛОВЕК И КАМЕНЬ

Одиночество вечное — камня удел,
быть слепым и немотствовать — камня удел,
никогда ни над чем не рыдал, не смеялся,
ни о чем не мечтал, ничего не хотел.
Иногда, как лежащий в воде волнолом,
получал он пощечины ночью и днем,
иногда на могиле лежал человека,
бессловесно прохожим вещая о нем.
Но когда превращается в памятник он,
то идут отовсюду к нему на поклон.
Счастлив камень, когда он вещает бессмертье,
жалок смертный, что в камень судьбой превращен!

НА РАССВЕТЕ

Звезд предрассветных белый караван
сквозь заросли бредет раскрытых лилий.
Восходит солнце: от его усилий
ввысь уплывает призрачный туман.
На нашу грусть, веселье и мечты
оно с улыбкой смотрит с высоты.
А мы
порой в кругу своих забот,
дел повседневных, радостей, невзгод
так заняты, что этого величья
в сердцах у нас стираются следы:
в груди своей не слышим песни птичьей,
не видим танца трепетной звезды,
не чувствуем в себе огня, что жарче
далеких солнц и зорь рассветных ярче.

ПРОСТИ МЕНЯ

Когда рассвета легкого рука
Погладит тихо глиняное ложе,
Где я легла под камнем на века,—
От сна на миг воспряну я, быть может,
Из тех краев, где нет добра и зла,
Я попрошу прощенья у свободы

За то, что, не дождавшись, я ушла,
За то, что коротки земные годы.
В края иные, чтоб ее найти,
Лишь болью да надеждою богата,
Как птица, улетела я когда-то
И не вернулась... Как я виновата!
Прости меня... Прости меня, прости...

Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ

*Кто оторвался от корней родимых,
тот будет к ним стремиться весь свой век...*

М о л а в и

Ветер времени нас оторвал от родимых корней.
Ветер времени, о, вороти нас обратно!
...Далеко-далеко от меня
над прекрасной отчизной моей
без меня всходит солнце,
без меня догорают закаты.
В этом городе, где купола
голубые, как небо,
что звался «половиною мира» когда-то ¹,
в этом городе, что мое сердце
поймал, словно невод,
что милее мне всех городов —
от востока и до заката,
в этом городе комната есть,
где меж двух потемневших колец
все качалась моя колыбель
на цепочках певучих.

И качала ее моя мать,
ни за что не забыть мне с тех пор
звуков песни протяжных, тягучих.
Эти звуки приходят в ночи,
как забытые милые лица.
Пела ночь, пела мать,
пели кольца в стене,

¹ В Иране есть пословица: Исфаган — половина мира.

пел мой дом
 колыбельные мне,
 пел мой дом, словно знал,
 что придется мне с ним распротиться...
 Все прошло, миновало,
 и весны мои позади.
 Я далеко от мест,
 где мне стены родимые пели.
 Я надеждой живу.
 и она словно факел в пути.
 О, позвольте взглянуть мне
 на кольца моей колыбели!
 Может быть, не забыли
 они еще тех голосов,
 что меня наполняли
 младенческим ясным покоем.
 Может, помнят они еще тайну
 тех звуков и слов,
 тех, которыми счастье мое
 говорило со мною.
 Может, я им смогу рассказать
 то, что матери только одной
 рассказать может дочь,
 то, что матери только родной
 рассказать, как дитя, я посмею.
 Но я детям смогу рассказать,
 рассказать обо всем я успею...
 В этом городе, где купола
 голубые, как небо,
 в этом городе, что мое сердце
 поймал, словно невод,
 в этом городе,
 где я однажды увидела свет,
 где открыла глаза —
 вновь хочу свои песни пропеть!

.

...Помню, старый поэт умирал
 вдалеке от родимой земли,
 и в последнем дыханье
 слышалось мне:
 — О Иран,
 о Иран, целую камни твои!..—
 И как старый солдат,
 этот старший мой брат,

он сложил свою голову,
ни на миг не склонивши ее,
далеко от пределов твоих,
но во имя твое,
но во имя твое!
И пусть прах сиротливый его
не под небом твоим истлевал,
но надежда осталась живой.
И когда мы вернемся домой,
мы с собой привезем эту землю
мы с собой привезем его песни,
пусть им внуки и правнуки внемлют...

.
.

О Иран,
не боюсь заглянуть
в твои самые черные дни,
в роковые бездны твои.

Ты не умер от ран
и во дни Искандера, Иран!

Подавился тобой халифат,
покоритель народов и стран,
о Иран!

Оживали селенья,
и гордо вставал кипарис,
засевались политые кровью поля,
где прошел смертоносный Чингиз.

И опять поднимались колосья,
где от сел оставалась зола,
там, где, вытоптав нивы дотла,
будто дьявол, коварен и хмур,
проходил беспощадный Тимур.

Целый город однажды
велел ослепить тиран.
Не хочу называть его имени я!
Пусть погибнет оно для веков,
задохнется от небытия.
Целый город однажды
велел ослепить тиран —

но остался ты зрячим, Иран!
Но остался ты зрячим,
не смирялся, вставал, воевал.
головы не склонял
перед черною вестью, Иран.

Ты всегда умел отличить
тьму от света,
свободу от рабства
и честь от бесчестья, Иран!
Если б каждый
из павших героев твоих, о Иран,
лепестком одиноким багряным пророс, о Иран,
запылала б земля,
словно огненный вихрь, о Иран,
словно звезд океан,
словно море из роз, о Иран.
Сколько раз,
сколько раз от тебя
отступался ни с чем Ариман!..

.
.

Коль ты снова в борьбе, Иран,
значит, завтра твое придет,
значит, завтра твое плывет
морем света к тебе, Иран!

А мне, впоенной вековым вином Хайяма,
из чаши незабвенного Хафиза,
а мне, судьбы принявшей грозный вызов,
мне, тосковавшей долгими годами,—
а мне пускай дано увидеть будет
сады, где я дышала полной грудью,
и стены, где на свет я появилась,
где мне любовь свою дарила милость,
где кольца от старинной колыбели
мне ласково ночные песни пели,
где жаркая заря над родиной моей
встречается с оранжевым закатом...

Ветер времени нас оторвал от родимых корней.
Ветер времени, верю тебе!
Ты вернешь нас обратно...

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ СОКОЛ

Неба ночного глаза, о высокие светлые звезды,
не видали ли вы в облаках, иль в лесах,
или на скалах угрюмых и грозных,
не видали ль вы сокола, звезды,
моего улетевшего сокола?

Может, к вам он, сияющим в блеске и славе,
непокорные тяжкие крылья направил,
в ваше небо далекое?

Или сел он в пути на скалу одинокую?

Иль, хмелен от свободы,
сразился он с бурей жестокою
и в ущелье упал,
обломав себе крылья навеки,
и прекрасное тело его по камням
волочили холодные горные реки?

Вы видали, о светлые звезды,
как я встретила с ним у ручья.

Как зеленые тени деревьев
над ним танцевали,
видали вы, звезды, видали...

Плоть моя растворилась в душе.

И душа поселилась моя
в этих темных очах,
в них свила свои тихие гнезда.

И судьба моя стала крылом для него,
и мечта моя стала крылом для него,
и, взмахнув ими, он улетел
в свое небо далекое...

Неба ночного глаза, о высокие светлые звезды,
не видали ли вы в облаках, иль в лесах,
иль на скалах, угрюмых и грозных,
не видали ль вы сокола, звезды,
моего улетевшего сокола?..

Я НЕ ВЕРЮ!

Я не верю!

Не верю, что в нашем саду
лишь одно воронье
да опавшие листья остались,
что под пеплом страданья

погасла священная ярость,
что героев сломила беда.
О, я знаю беду!
Молоком ее вскормлены мы
и взлелеяны все мы печалью,
предначертано нам
все глубины страдания измерить...
Но в себя я смотрю и тебе отвечаю:
Я не верю. Не верю. Не верю. Не верю!
Я не верю, что подлость и тьма
навсегда воцарились над нами
и что заперты наглухо
к свету ведущие двери,
что растоптано наше
пробитое пулями знамя.
Что мне делать с собой?
Я не верю, не верю, не верю!
Не рассказывай мне,
что сломила борцов безнадежность,
что оплевана верность,
осмеяна нежность,
что святыни поруганы палачами.
Дочь печали, осмелюсь ли я лицемерить?..
Но в себя я смотрю и тебе отвечаю:
Я не верю. Не верю. Не верю. Не верю!

ЧЕЛОВЕК ПОТЕРЯН

Человек потерян... Человек потерян!
Вот его приметы: беден и богат.
Тонут лодки глаз в слезах, когда он плачет,
А когда смеется — блещет белый град.

Человек потерян! Тот, что для любимой
Мог взлететь над морем, и тогда сама
Милая, не зная, что летит, — летела!
Сам он был безумцем и сводил с ума.

Да! Порой мечтал он об огне, как спичка
О тепле и свете бредит в коробке.
Да! Еще искал он собственное счастье,
Собственное счастье в старом медяке.

Человек потерян! Вот еще приметы:
Он слегка сплбался, чтобы облака
Не задеть случайно; и мостом казался
Шаг его огромный, и ручьем — река.

Поцелуй ребенка — вот душа какая!
Нет, его душа — пантеры крик ночной!
Человек! Он с песней пал на баррикаде,
Но остался песней, знаменем, судьбой.

Человек потерян... Человек потерян!
Человек потерян на глазах у всех.
Но взгляните, люди, в собственные души —
Может быть, найдется этот человек?

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Сияй, далекая звезда!
О, как твой свет надменный ясен,
как одинаково всегда
земной печали неподвластен!
Нет для тебя добра и зла,
ты холодна и недвижима,
ты далека, непостижима,
всегда спокойна и светла.
А я пронизан земною
бедой и нежностью к друзьям.
И за бессмертье ледяное
я краткой жизни не отдам.
Пускай она — одно мгновенье,
надежды горестный излом —
здесь мне принадлежит решение
и выбор меж добром и злом!
И как бы ни было все тленно,
как ни трубила бы беда,
я вечности твоей надменной
не позавидую, звезда.

НЕ ОТКАЖУСЬ!

Если встану я с ложа томительной боли,
крылья птиц я возьму,
улечу от докучливых дум

в это море простора и воли,
в этот солнечный шум.
Все исчезнет.
Останутся в мире лишь горы и я.
Только я и леса. Только я и моря.
Баррикады и я.
О вселенная, слушай, внимли:
я парю над страдающим лоном земли...
Нитью солнечной тонкой клянусь,
птичьей песнею звонкой клянусь
и улыбкой ребенка клянусь:
от полета не откажусь!

ВПЕРЕД ИДУЩИЙ

Посвящается Арешу Камангиру

Когда расшибается надвое туча
И ливень камнями срывается с неба,
Когда выворачивает наизнанку
Свирепая буря свирепое море,
И рушатся мачты, и гаснут надежды —
Где кормчий, который бы встал у штурвала?

Песчаная вьюга сдвигает барханы.
Рыданье шакала. Угасшие звезды.
И нет каравану ни сна, ни спасенья.
И путники, вскрикнув, теряют рассудок.
В тот миг, когда кажется полночь гробницей,—
Где мудрый погонщик, что двинется дальше?

Огонь. Черно-красная жадность пожара.
Чудовище пляшет по стенам и кровле.
И каждый кричит, обезумев от страха,
Сбивая других, чтоб спасти свою шкуру.
О, где тот отчаянный в тлеющей блузе,
Что вынесет женщину или ребенка?

Кто факел надежды зажжет над собою
В ночи безнадежности, в темени страха?
И кто перед пастью отверстою смерти,
Как солнце, вселит в нас огонь свой и доблесть?
Кто, кто начертает бесстрашное имя,
Прекрасное имя свое на Грядущем?!

СОДЕРЖАНИЕ

Надежда. Перевод А. Янова	3
Всегда искать! Перевод А. Наймана	4
Ленин. Перевод А. Наймана	4
Перелетные птицы. Перевод Ю. Кушака	5
Чувства и краски. Перевод А. Янова	5
Памяти Пабло Неруды. Перевод А. Наумова	6
Попутный ветер. Перевод А. Янова	7
В пути. Перевод Р. Казаковой	7
Пришла весна. Перевод Р. Казаковой	8
Гибель или победа? Перевод Р. Казаковой	9
Вяз. Перевод А. Наймана	9
Солнце свободы. Перевод А. Наймана	10
Его крик. Перевод И. Кашежевой	11
Через сотню лет. Перевод А. Наймана	11
Пальцы. Перевод А. Наймана	12
Та песня Перевод Г. Плисецкого	13
В леса. Перевод А. Янова	13
Если б стала не поэтом... Перевод Ю. Кушака	14
Ожидание встречи. Перевод А. Янова	15
Морской закат. Перевод И. Кашежевой	16
В лодке. Перевод Ю. Кушака	16
Лесная песня. Перевод И. Кашежевой	17
Где я найду потерянное мной? Перевод А. Наймана	17
Вспоминая Будду. Перевод С. Северцева	18
Он смеялся. Перевод А. Янова	19
Эпитафия. Перевод А. Наймана	19
Разрешите представиться. Перевод Ю. Кушака	20

Человек и камень. <i>Перевод А. Наймана</i>	22
На рассвете. <i>Перевод А. Наймана</i>	22
Прости меня. <i>Перевод А. Янова</i>	22
Я вернусь к тебе. <i>Перевод А. Янова</i>	23
Затерявшийся сокол. <i>Перевод А. Янова</i>	27
Я не верю! <i>Перевод А. Янова</i>	27
Человек потерян. <i>Перевод Ю. Кушака</i>	28
Полярная звезда. <i>Перевод А. Янова</i>	29
Не откажусь! <i>Перевод А. Янова</i>	29
Вперед идущий. <i>Перевод Ю. Кушака</i>	30

Жале
ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Редактор — **А. В. СОФРОНОВ.**

Технический редактор — **А. И. Евтушенко.**

Сдано в набор 18/II 1974 г. А 00552. Подписано к печати 2/IV 1974 г.
Формат 70×108^{1/32}. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,62 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 972. Заказ № 1837. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП,
улица «Правды», 24.

**ВЛАДЕЛЬЦАМ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ
ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ
ГОССТРАХ**

ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА ПРИ ПОВРЕЖДЕНИИ ИЛИ ГИБЕЛИ СРЕДСТВ ТРАНСПОРТА В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИЙ, РАЗЛИЧНЫХ НЕПРЕДВИДЕННЫХ СЛУЧАЕВ, А ТАКЖЕ ПРИ ИХ ПОХИЩЕНИИ (УГОНЕ) ОБЕСПЕЧИВАЕТ ДОГОВОР СТРАХОВАНИЯ.

Автомашины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, мотоколяски, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда, находящиеся в личной собственности граждан, можно застраховать на срок от двух месяцев до одного года включительно на любую страховую сумму в пределах действительной стоимости транспорта.

● При гибели или похищении средств транспорта выплачивается полная страховая сумма, указанная в договоре, а при повреждении их — в размере стоимости ремонта, но не выше страховой суммы.

● Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта и размера страховой суммы и вносится при заключении договора. Лицам, страховавшим средства транспорта более 2 лет без перерыва и не допустившим за это время аварий, предоставляется скидка в размере 10%, а более 3 лет — в размере 15%.

Ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно, обратившись в районную инспекцию Госстраха или к страховому агенту.

ГОССТРАХ РСФСР